

М.А.Смагин

В.А.АПУШКИН И РУССКАЯ ВОЕННО-ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Имя генерал-майора Владимира Александровича Апушкина (1868-193?), к сожалению, принадлежит к сомну имён, незаслуженно затерянных в истории русской военно-политической мысли, в истории военно-гуманитарного образования в России. Долгие десятилетия забвения были следствием не столько «скромности» его трудов во благо Отечества, сколько намеренного замалчивания по идеологическим соображениям.

Он один из редакторов знаменитой сытинской «Военной энциклопедии» и проницательный литературный критик и публицист. Начальник Главного военно-судебного управления России в 1917 (самом кроваво-пьяном!) году её новейшей политической истории и истый демократ – точнее было бы написать «либерал-демократ», если б не нынешняя масс-медийная «затёртость» этого слова. Военный учёный, чьи работы по теории русской и советской военной доктрины могли бы оспорить лавры военно-теоретического гения Фрунзе, и «старорежимный военспец», оставшийся в Советской России, чтобы участвовать в создании народной Милиционной Армии, которая, по его убеждению, должна была заменить классово ангажированную Красную Армию. Это перечисление творческих граней личности Апушкина можно было бы и продолжить, но и названного достаточно, чтобы понять – ну, никак не вмещался наш Владимир Александрович в образ заскорузлого «енерала», созданный Истпартом для всего, что так или иначе было связано с офицерским корпусом дореволюционной Русской армии!

Родился и провёл детские годы Апушкин, по его же словам, в милой сердцу усадьбе в глухом уезде северной губернии. Но большая часть его сознательной жизни и творческой деятельности связана с Петербургом-Петроградом, где он учился во 2-м Константиновском военном училище и в Александровской военно-юридической академии, а позже служил офицером-юристом, с перерывом разве только на русско-японскую войну 1904-05 гг., в которой подполков-

ник Апушкин в качестве военного корреспондента принимал непосредственное участие.

Этот личный опыт наряду с изучением обширных документальных источников лёг в основу обстоятельного военно-политологического труда Апушкина «Русско-Японская война 1904-1905 гг.», впервые вышедшего в свет отдельной книгой в 1907 г. (выдержала впоследствии несколько изданий) – первой подобного рода работе в русской военной науке.

Закономерным результатом общественного признания его талантов и заслуг было избрание Апушкина одним из ведущих редакторов многотомной «Военной энциклопедии», работа над которой началась в 1910 г. и была прервана первой мировой войной. В редакции «Военной энциклопедии» он отвечал за подготовку статей по военной администрации и праву, военно-политической истории, военно-учебному делу и спорту, а также биографий «героев долга, выдающихся военных, военно-политических и военно-литературных деятелей» – учёных, писателей, поэтов и художников, посвятивших свои труды исследованию вопросов, связанных с военным делом и изображению в литературе и искусстве войны, военного быта армии и флота, их славных дел и подвигов. Именно эти военно-гуманитарные статьи, по мнению Апушкина, выявляя эстетические и благородные стороны военной деятельности, должны были содействовать воспитанию в просвещённой части российского общества уважения к своей армии¹. Апушкин не только редактировал один из важнейших разделов «Военной энциклопедии», но и лично написал многие её статьи, девять из которых вошли в перечень наиболее значительных и оригинальных статей этого масштабного военно-научного издания.

Поразительно актуально в наше время – время мучительно затянувшейся военной реформы, пробуксовывание которой связано не в последнюю очередь с неопределённостью и запутанностью её военно-политических целей и доктринальных установок – звучат его мысли относительно понимания самого существа военной доктрины страны, как исходного обоснования национальной военной политики.

Активно участвуя в развернувшейся в 1911-1913 гг. в русском военно-научном сообществе дискуссии о новой военной доктрине России, Апушкин как на основной методологический порок и причину бесплодных споров указывал на непрояснённую самого понятия «военная доктрина», на крайне узкое, исключительно военно-специальное его толкование тогдашней научной мыслью. (Статья «Док-

трина военная», которая должна была появиться в девятом томе «Военной энциклопедии», выпущенном в 1912 г., и перенесённая из-за теоретической нерешённости вопроса в планировавшийся дополнительный том, так и не была написана.)

Сам Апушкин считал, что военная доктрина «в широком и главном смысле слова есть совокупность руководящих идей, положенных в основу военной мощи страны в тесной связи с её международным положением, политическими идеалами и основными государственными задачами»². Такую доктрину он называл «государственной военно-политической доктриной». Она, по мнению Апушкина, должна логически вытекать «из самоопределения государства, т.е. ясного сознания своей исторической миссии, своей роли на арене мировой политики и своих государственных интересов», а её наличие у государства «обеспечивает успех не только на войне, но и в международной политике»³. «В более узком смысле, — писал он в своей статье 1913 г., — военная доктрина есть учение о войне, т.е. органическая совокупность принципов военно-административных, военно-воспитательных, стратегических и тактических, как выведенных из военно-исторического опыта, так и созданных силою гения или таланта отдельных лиц»⁴. Впоследствии Апушкин ещё ни раз возвращался к данной проблеме и в 1918-м, и в 1920-м, и в 1921 гг., пока дискуссия среди военных учёных-военспецов РККА не была завершена (как и Николаем II в приснопамятном 1913-м!) властным окриком уже новых «самодержцев» России.

Однако предметом нашего внимания в настоящей статье будет не Апушкин как военный теоретик (хотя эта тема достойна отдельного исследования), а Апушкин как военный гуманитарий, т.е. человек, посвятивший себя делу *очеловечивания* как самой Российской армии, так и её образа в глазах русского общества, раздираемого непримиримостью настоящего и томимого неясностью будущего, в конце XIX — начале XX вв.

Основательную гуманитарную подготовку Апушкин получил уже в системе военного образования, существовавшего в дореволюционной России. Конечно, любая система не без изъяна. Но то, что непременно поражает нашего современника, особенно знакомого с нынешней высшей военной школой, это значимый факт — во всех военных училищах старой России преподавался обширный курс словесности, т.е. русского языка и литературы.

Причём литературно-художественная составляющая военного образования в старой России предполагала изучение юнкерами про-

изведений и классической западноевропейской литературы, и, особенно, как указывалось в методическом наставлении по данному курсу, «известнейших русских писателей новейшего периода». (В перечень были включены такие прозаики и критики, как Аксаков, Белинский, Гоголь, Гончаров, Григорович, Грановский, Достоевский, Островский, Писемский, Толстой, Тургенев, поэты – Майков, Некрасов, Полонский, Тютчев и др.)

Преподавание предмета предполагало не только расширение образования молодых людей в отношении выработки и развития слога, умения ясно и грамотно излагать мысли, но и «сообщение молодым людям сочувствия к нравственным идеалам жизни, развитие в них любви к правде, добру и исполнению своего долга». При этом в инструкции Главного управления военно-учебных заведений особо подчёркивалось, что, несмотря на встречающиеся в произведениях выдающихся авторов картины отрицательных, тёмных сторон жизни, которые «непрерывно останавливают на себе внимание юноши, особенно в пору брожения юного ума, так легко отзывающегося на всё отрицательное, во всём сомневающегося», следует «развивать в учащих способность подмечать светлые стороны и среди безотрадной обстановки, присутствие *человеческого начала* и в извращённом человеке».

Сам Апушкин в последствии высоко оценивал роль художественной литературы в очеловечивании военной службы. «Гуманитарное направление литературы XIX в., – писал он в одной из статей, – сказалось не только на полях сражений, но и в казарме, и в мирной деятельности войск. Не без её содействия сокрушён был афоризм фридриховской военной педагогики, – что солдат должен бояться больше палки капрала, чем пули врага; не без её влияния окрепли и вошли во всеобщее почти сознание новые принципы воспитания и обучения солдата; это её влияние отразилось на всём бытовом укладе современных армий, в которых всё направлено к подъёму личности солдата, к развитию его духовных сил»⁵.

Понятно, что от высочайших указаний до нравственного облика какого-нибудь юного скалозуба-павлона («павлонами» в те времена называли питомцев престижного Павловского военного училища) – дистанция огромного размера. К тому же образование молодого русского офицерства на старте XX в. трагически завершила Великая война 1914-18 гг.: лучшие, как водится, были выбиты в первый её год, а на смену им пришли прапорщички с 3-х месячных курсов, на которых по-настоящему преподавали лишь три предмета – стрельбу, штыковой бой и метание гранаты...

Основные военные академии России в отношении гуманитарной подготовки отставали даже от военных училищ – русская и зарубежная литература в их программах отсутствовала, а блок социально-экономических дисциплин был крайне скуден. А в военных училищах социально-экономические дисциплины не преподавались вообще. Данное обстоятельство дало основание Апушкину, оценивавшему качество того прежнего военного образования уже с высоты опыта «страшных лет России», сделать неутешительный вывод: «Отсутствие в программе этих учебных заведений (военных училищ – М.С.) социальных и гуманитарных наук углубляло пропасть, вырытую уже между будущими офицерами и обществом предыдущим воспитанием. Мир знаний человечества замыкался в круге нескольких прикладных военных наук – и это в отношении юношей в возрасте 17-20 лет, когда душа чутка к возвышенным идеям, чувствам, а ум жаждет знаний, могущих дать миропонимание»⁶. Но по иному обстояло дело лишь в одной из военных академий царской России – Военно-юридической академии, слушателем которой довелось быть тогда ещё капитану Апушкину.

Программа этой военной академии помимо специальных военных и юридических дисциплин – права «жареного и пареного», как шутили её выпускники, – включала политическую экономию, психологию, логику, философию права. Видимо и поэтому сам Апушкин счастливо избежал зауженности пресловутого «военного идиотизма». Читая его научные работы и публицистические статьи, видишь осведомлённость автора не только в прикладных областях военного дела или произведениях классиков русской и западноевропейской литературы из училищного курса (что тоже не мало!), но и в западноевропейской философии от Декарта до Гартмана. А философские миры Соловьёва и Толстого вообще были той духовной средой, в которой, похоже, сформировалось его нравственное мировоззрение.

Свою научно-публицистическую и литературную деятельность Апушкин начал ещё в середине 90-х гг. XIX в. Именно с этого времени он стал сотрудничать с многими отечественными периодическими изданиями: и с официальными органами военного ведомства «Русским инвалидом» и «Военным сборником», и с общественной газетой «Военный голос», и с либеральным журналом «Новое звено». «Военный голос» выходил лишь неполный 1906-й г. и был закрыт за упорное желание «своё суждение иметь» по проблемам реформирования потрепанной в русско-японской войне царской армии. А последнее из перечисленных изданий, «Новое звено», заяв-

ленное как орган независимой либеральной мысли и издававшееся при участии многих авторитетных общественных деятелей той эпохи академиков В.М.Бехтерева, Н.А.Котляревского, А.П.Семёнова-Тян-Шанского, члена Госдумы Н.А.Хомякова и др., продержался ровно полтора года – с декабря 1913-го по май 1915-го.

Более определённо политико-идеологическая платформа журнала «Новое звено» была продекларирована в редакционной статье его первого номера. Обращение к ней даст нам возможность чётче выявить хотя бы некоторые штрихи политического мировоззрения Апушкина. Дело в том, что объявленная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода слова привела к распаду политически активной части русского общества на обособленные партийные фракции.

Что же было заявлено в программной статье «Нового звена»? – «Мы будем в оппозиции не к правительству и властям предрержащим, потому что они правительство и власти, – благоразумно писала редколлегия журнала, – а ко всему тому, что в них и вне их будет нам казаться вредным для грядущего величия России, как свободного и правового государства»⁷. Много внимания было уделено в ней и уже наболевшему и вновь обострившемуся к тому времени в Российской империи национальному вопросу – *ymnia m̄tant̄r, nihil n̄terit!* Гипертрофированная «щекотливость» национального вопроса и в современной России, заставляет, пересилив нелюбовь к длинному цитированию, привести соответствующий пассаж из «Нового звена» без каких-либо изъятий или комментариев.

Итак, журнал писал: «Всем народностям должно быть одинаково свободно жить в России, но прежде всего русской. И русскому человеку так же естественно прежде всего заботиться о благополучии русского народа, как поляку о благополучии польского, еврею – еврейского, финляндцу – финляндского, армянину – армянского. И как противоестественно от поляка и финляндца требовать, чтобы они, будучи верными гражданами Империи, забыли о преимущественном для них значении нужд своего народа, так и русские вправе, всемерно защищая законные права всех национальностей Империи, прежде всего болеть о своих народно-русских недочётах. Это не национализм в том уродливом виде, в котором выставили его недавно прикосновенные к правительству партии, а лишь отражение естественного здорового национального чувства, наличие которого для успеха в политической борьбе XX столетия представляется необходимостью. Не нужно ни одной из двух крайностей: ни узкого национализма, готового топтать инородцев во имя эгоистичных, не

всегда чистых вождслений отдельных групп русского населения окраин, ни такого самозабвения о нуждах коренного русского населения во имя нужд окраин, которое странно и неестественно для людей русских по чувству и происхождению»⁸. Так, видимо, думал и полковник Апушкин накануне первой в современной истории России Великой войны 1914-18 гг. и выношенной в её чреве последующей Великой смуты.

В советское время Апушкин часто публиковался в петроградском «Вестнике милиционной армии», в московском военно-научном и литературном журнале «Военное дело», в органе Военного факультета Туркестанского госуниверситета «Военная мысль». Круг интересов и приложения сил Апушкина-публициста был разнообразен: здесь и серьёзные военно-теоретические и исторические статьи-исследования, и путевые заметки «От моря и до моря: из путевых впечатлений по Кавказу» и др., и злободневная «проза быта» — «Борьба с алкоголизмом в армии» и т.п. Однако особое место в деле гуманитарного просвещения армии и общества, безусловно, должно быть отведено литературно-критическим работам Апушкина.

Проба литературоведческого пера состоялась ещё в год широко праздновавшегося столетнего юбилея А.С.Пушкина — в официальном органе российского военного ведомства «Русском инвалиде» была опубликована статья Апушкина «Пушкин и первое полное собрание его сочинений». А уже в следующем году появляется его первое основательное литературно-критическое исследование — «Суворов в русской литературе». Затем увидели свет и другие работы: «В.В.Крестовский как военный писатель» и «Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе», фундаментальная работа, публиковавшаяся с продолжением из номера в номер в «толстом», как сказали бы теперь, журнале «Военный сборник» в 1902-1903 гг.

Серия статей под общим названием «Суворов в русской литературе» была посвящена 100-летию со дня смерти великого русского полководца. В них Апушкин выступает как доброжелательный и чуткий к фальши литературный критик, рассматривающий разно-масштабные по жанру и художественным достоинствам прозаические и драматические произведения, в которых так или иначе разрабатывается образ «гениального чудака» генералиссимуса Суворова.

В своей работе Апушкин стремится к максимальной полноте анализа. В поле его зрения попадают и известнейшие художественные произведения такие, как «Пугачёвщина» Г.П.Данилевского, «Деды» В.В.Крестовского, «Вольтерьянец» Соловьёва и другие — в

том числе и роман-эпопея «Война и мир» Толстого (объясняя мотив столь странного на первый взгляд включения в предмет своего исследования произведения этого культового для тогдашней интеллигентской публики мыслителя, Апушкин писал, что «хотя Суворова и нет в числе действующих лиц романа, но о нём заставляет их говорить верный жизненной правде художник»⁹); и абсолютно незначительные произведения-однодневки типа одноактной пьески «Суворов или неожиданный гость-благодетель», в качестве «достоинств» которой Апушкин-критик отмечает единственное – лёгкость её постановки на казарменных сценах. Самодеятельные театры, получившие в то время широкое распространение в русской армии, рассматривались как средство просвещения солдатской массы.

Если статьи суворовской тематики, при всём искреннем пиетете их автора к первому Чудо-богатырю Екатерининской эпохи, всё-таки имели определённый налёт официальной парадности, связанной с характером социального заказа, мотивировавшего их написание, то последовавшее сразу за ними исследование творчества Крестовского выражало сугубо внутреннюю потребность самого Апушкина. Лихой офицер-кавалерист, пронизательный военный корреспондент, талантливый писатель Крестовский был тем, с кого Апушкин стремился кроить свою собственную судьбу.

Конкретным поводом для работы «В.В.Крестовский как военный писатель» послужил выход в свет очередного (восьмого) собрания сочинений Крестовского, в которое редактор не счёл нужным включить некоторые военно-исторические и публицистические произведения писателя из-за их слишком военно-специального характера. Оспаривая данный подход, Апушкин с самого начала подчёркивает, что будет рассматривать творчество Крестовского как раз с точки зрения военного читателя, имеющего «особый *свой* интерес», с точки зрения того, «*что* он (Крестовский) дал нам, его военным читателям, *что* в его произведениях имеет для нас особое значение»¹⁰. Из всего литературного наследия Крестовского, так или иначе затрагивающего военную тематику – произведений чисто беллетристического характера таких, как «Очерки кавалерийской жизни», исторических романов и публицистики, т.е. корреспонденций о русско-турецкой войне 1877-78 гг. и путевых очерков, написанные их автором за многие годы на разных «меридианах» своей жизни и службы, – Апушкин выше всего ценил его военную публицистику, особенно выделяя его книгу «в дальних водах и странах», состоящую из заметок, сделанных во время службы Крестовского

секретарём «для военно-сухопутных сношений» при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане. Он даже сравнивает её с классическим произведением путевого жанра – гончаровским «Фрегатом Паллада». «Да не почтётся это мнение еретическим», – предугадывая возможное возмущение гражданской публики, замечает Апушкин и поясняет свою позицию: «Перечитайте книгу Гончарова и вы увидите, как много занимает здесь места личность самого автора – его настроения, его мысли, часто не идущие далее общих мест, как поверхностны его наблюдения, как общи его описания... Почитайте Крестовского – и вы поразитесь обилию конкретных фактов, наблюдаемых им во всех сферах жизни обитателей дальних стран, тщательно описанных и свободных от личных настроений наблюдателя-автора»¹¹.

Особенно интересовала Крестовского в том путешествии Япония и, разумеется, японская армия, лишь семь лет до того (с 1873г.) начавшая строиться на принципе всеобщей воинской повинности, который подрывал кастовый дух самурайских ополчений прошлого. Поэтому он охотно посещал казармы, военные школы, учебные плацы и парады японских войск. (В отличие, заметим, от Гончарова, который, как истинный интеллигент-служащий департамента внешней торговли, всегда и везде тяготился подобными мероприятиями.) Основываясь на этих своих наблюдениях, Крестовский делает значимый для характеристики духовного потенциала народа и армии вывод – «японцы патриотичны донельзя».

Двадцать лет спустя (т.е. незадолго до войны России с Японией), анализируя достоинства путевых заметок Крестовского и соглашаясь с данным определением национального характера японцев, Апушкин пытается донести до своих современников, соотечественников и товарищей по военной службе, и свои собственные размышления о роли патриотизма в модернизации страны. «Важно, – пишет он, – что сами японцы глубоко верят в себя, в свои силы, в свою способность самостоятельного развития, и этим объясняется подмеченное Крестовским похвальное стремление выбиваться из-под влияния иностранцев как скоро дело, для коего иностранец был призван, вполне усвоено ими»¹².

Другой впечатляющий сборник записок и статей Крестовского о войне 1877-78 гг. «20 месяцев в действующей армии» является, по мнению Апушкина, доказательством высокого профессионализма их автора как военного корреспондента. В основе этого лежали не только личный боевой опыт, военно-специальные зна-

ния и обширные знакомства в войсках самого Крестовского, но и его завидная трудоспособность и психологическая устойчивость к раздражающим факторам военного быта. Писать Крестовский, по собственному признанию, мог при всякой обстановке – и на боевых позициях, и в тёмной перенаселённой землянке, где одни болтают, другие поют, третьи «винтят», т.е. играют в распространённую в прошлом веке среди благородного общества карточную игру, – словом, писать несмотря ни на что. Это качество было особо отмечено и оценено Апушкиным, который к тому времени уже вкусил журналистских трудов, правда, ещё не ведая своей собственной уже недалёкой стези военного корреспондента на другой войне и в иной стороне – не священной, как в 1877-78 гг., а бесславной, хотя и такой же трудной и кровавой, русско-японской войне 1904-06 гг.

Да и талант Крестовского-беллетриста, его громкая слава военного бытописателя не могли оставить равнодушным Апушкина, в глубине души, как и всякий начинающий журналист, вероятно, желавшего снискать себе и писательские лавры. Конечно, это – всего лишь шаткая реконструкция души нашего героя, а проще говоря – дерзкая догадка. Впрочем, догадка не безосновательная, о чём свидетельствует изданный им в 1917 г. небольшой сборник сентиментальных новелл «Руины», воспоминаний пожилого рассказчика о своей давней службе молодым поручиком в заштатном польском городке где-то на границе с Восточной Пруссией. Хотя сей факт, бесспорно подтверждающий лишь ту истину, что всякий человек способен написать хотя бы одну повесть – повесть своей собственной жизни – в творческой биографии Апушкина следует отнести к курьёзным исключениям. «Руины» Апушкина выглядят как явная писательская неудача.

Однако личные симпатии не мешают Апушкину объективно и прямо оценивать различные стороны таланта и личности Крестовского. Он отмечает и яркость литературного дарования Крестовского, и страстность его натуры, и, как следствие этого, активность его гражданской позиции, и, конечно же, его любовь к людям служивым, к русским офицерам и солдатам, честно исполнявшим свой долг перед Царём и Отечеством. Но при этом Апушкин не обходит молчанием и то, что, как человек либеральных взглядов, не приемлет в нём. А именно – тенденциозность Крестовского в русско-польском вопросе и его явный антисемитизм.

Анализ военной публицистики Крестовского естественным об-

разом подвел Апушкина к пристальному исследованию не только проблемы документально-образного отражения войны в исторической науке и других объективированных формах социальной памяти, но и к более фундаментальной гуманитарной проблематике — к проблеме человека на войне, взятой во всём её сложном многоголосье. Предметом его размышлений становится трагизм и противоречивость нравственной позиции воина, его поведения перед сражением и в самом бою — то, «как он думает и чувствует на войне, во имя чего он идёт на войну, что толкает его на подвиги и что делает его трусом, словом, какие психологические факторы влияют в нём на выбор чувства долга или чувства самосохранения»¹³. Военная психология, вообще, рассматривалась Апушкиным как важнейшая составляющая профессионального образования офицера, командира и военачальника любого ранга. «Анализ психики бойца, — писал он в той же статье, — есть основание искусства управлять войсками в бою, определяя волю каждой индивидуальной единицы к самоотречению во имя высших, общих благ». Такой работой стала для него «Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе». Она выросла из стремления Апушкина дополнить выпущенную к 25-летию последней русско-турецкой войны многотомную официальную её «Историю» гуманитарным, человеческим измерением проблемы. Высоко оценивая научную объективность данного труда, он тем не менее отмечает, что штудирование его «не волнует меня и чувств былых во мне не шевелит».

Память чувства — именно это связывает конкретного человека, «личность во плоти», с историей страны и народа, делает возможным воспринять её как летопись трансценденции собственной жизни. Память чувства — это не обязательно самим виденное, но непременно лично пережитое, прочувствованное человеком однажды и с тех пор глубоко «засевшее» в нравственных структурах его сознания. Для Апушкина моментом такой памяти было ежевечернее чтение вслух его отцом в домашнем кругу газетных заметок с Балканского фронта. Не случайно Апушкин начинает первую статью с пространныго воспоминания о том, как в далёкие времена его детства посылали кучера Семёна специально за газетами на почтовую станцию, и как он, девятилетний мальчик, нетерпеливо ждал его возвращения. Не удивительно поэтому, что добрая половина названной работы посвящена исследованию роли прессы в войне — теме в то время новой и совершенно неизученной. Дело в том, что война 1877-78 гг. была первым военно-историческим событием, столь широко освещавшимся неза-

долго перед тем получившей «право голоса» русской прессой. На то, по мнению Апушкина, были две основные причины.

Во-первых, военный поход 1877-78 гг. поддерживался русским обществом как святое дело освобождения православных, славян от турецкого ига. Поэтому, кто не мог принять в нём непосредственного участия, тот хотел знать о нём, следить за ним, следить за судьбою отца, сына, брата, мужа. Правда, по понятиям того времени общество не включало в себя всего народа, а лишь его образованную, просвещённую часть. Апушкин недвусмысленно подчёркивает это, соглашаясь с данной В.И.Немировичем-Данченко характеристикой той войны как «дела общественного, но не всенародного». Для того чтобы она могла называться всенародной, народу ещё не доставало тогда элементарной общей и политической грамотности, невежество обрекало его на пассивную, исключительно страдательную роль в войне.

Во-вторых, на ином человеческом материале была построена сама русская армия – недавно радикально реформированная, молодая, всеобщая, она крепче, живее чувствовала узы родства с народом.

Заметно, что Апушкин немного идеализировал ту русскую армию, для него уже принадлежавшую истории, противопоставляя ей некую современную ему «рать Капитала», которой, по его мнению, не ведомы понятия героизма, отечества, религии. Религии Апушкин вообще отводил решающую роль в деле нравственного воспитания воина, видел в «одушевлении идеалами Христа» традиционный источник особых качеств русской военной силы. «Из проникновения ими (идеалами Христа – М.С.) выросло то общее настроение героизма, добра и сострадания, которое давало силы выносить невероятные лишения и муки, которое толкало на подвиги. Мы всегда были сильны не столько оружием, всегда оказывавшимся более коротким, чем у неприятеля, не столько организацией, запасами продовольствия и пороха, сколько той нравственной силой, образцы которой я собрал в настоящей статье в одну картину со страниц корреспондентских отчётов о последней русско-турецкой войне»¹⁴, – писал он в одной из статей, специально посвящённой данному вопросу и озаглавленной «Наша сила».

Одновременно с реформами 60-70-х гг. XIX в. в русской армии весьма заметно прогрессировало гуманное отношение офицеров к солдатам. О русских офицерах той пореформенной поры Апушкин отзывается с особой теплотой и восхищением. Он справедливо считал, что армия, которая в тяжелейших исторических условиях – в

жестоких сражениях с турками в Закавказье и на Балканах, в «холодной войне» с коренными европейскими державами – спасла достоинство России, была создана и проведена через все военные тяготы и лишения трудами русского офицерского корпуса. Ибо солдат будет таков, каковы офицеры – и это справедливо для мира и для войны. «Я отнюдь не хочу умалять заслуги солдат, принижать степень их индивидуального героизма, умалять силу солдатского духа, – пишет по этому поводу Апушкин. – Это значило бы умалять вообще дух народа, из которого вышел солдат, но из этого же народа вышел ведь и корпус офицеров... Нет, в силе народного духа, отражающегося в тех и других, они равны – и я говорю только о поддержании этой гармонии. В ней залог боевого успеха. Едва ли, однако, кто-нибудь станет оспаривать, что возможность влиять на сохранение этой великой гармонии лежит на стороне офицеров»¹⁵. И далее, приводя в подтверждение многочисленные факты и корреспондентские наблюдения, он замечает: «Офицеры служили во всём примером. Лишения, выпавшие на их долю были не меньше солдатских, если не больше»¹⁶.

Но все эти новые человеческие качества армии ещё не были испытаны в огне настоящих битв. Поэтому от того, как она, обновлённая армия, поведёт себя в назревавшей войне, зависело будущее дальнейших военных реформ в России – воспоминания о неудачной Крымской войне ещё свежи были в русском обществе, усиливая аргументы критиков Д.И.Милютина. «Это было то время, когда над реформированной армией висели обвинения в том, что с отменой шпицрутенов она разнуздалась, дисциплина пала, воинский дух угас и – не дай Бог войны! – она побежит с поля сражения и растопчет славу, добытую предками... Говорили, что замена ценза по происхождению (кстати, никогда у нас не существовавшего!) цензом образовательным подорвала корпус офицеров, что слияние в рядах армии образованных людей с необразованными внесло разврат в понятиях и тысячу опасностей...»¹⁷

Названные выше факторы, работавшие на гласность на войне, усиливались тем, что в русском обществе к тому времени уже достаточно распространённым было убеждение – «чем быстрее, вернее и подробнее освещаются военные события, тем живее и непосредственнее связь народа с армией, укрепляющая в последней сознание долга, – тем просторнее, полнее проявляются патриотические чувства, двигающие и народ, и армию на подвиги, – тем обеспеченнее участь жертв войны, тем больше находится средств и способов для врачевания»

ния язв войны»¹⁸. Именно с тех пор военная журналистика в России превратились из прибежища авантюристов или «оклеветанных молвой» поэтов в социально значимую, затребованную обществом профессию. А корреспонденты российских газет стали не только очевидцами войны 1877-78 гг., но и её полноправными участниками и героями, честно послужившими русской армии и всему русскому обществу.

Беспристрастно освещая её ход, они предостерегли армию от высокомерного отношения к противнику, неоправданного преуменьшения его боевых сил и качеств. Они «срывали личину порядка и порядочности с недостойных и с беспорядка, ...своею пламенной речью будили общественную совесть и жгли сердца, зовя на подвиг, и воздаянием каждому по заслугам бодрили тружеников, для которых не было иных наград, кроме признания за ними права на общественную благодарность»¹⁹. Благодаря русским военным корреспондентам войска сохраняли бодрость духа и веру в победу в дни самых тяжёлых испытаний. Благодаря им Россия узнала о подвижничестве русских женщин, добровольно пошедших на войну сёстрами милосердия, что растопило «лёд общественного равнодушия» к делу женского образования и труда.

Это было действительно историческое решение – осведомлять общество о боевых действиях армии. И принималось оно не наспех. Прежде этот вопрос был основательно изучен и представлен на высочайшее рассмотрение докладом полковника генерального штаба М.А.Газенкампа. Изложив возможные *pro et contra*, полковник высказался в пользу гласности – «гласность не должна умолкать и на войне пред громом пушек» – что, вероятно, и послужило основанием для его последующего назначения «заведующим корреспондентской частью» Дунайской армии. Решено было не устанавливать предварительной цензуры и «не придавать значения» возможному «недружелюбному тону» отдельных корреспонденций, т.к. «при видимой свободе печати, тем авторитетнее будут для общественного мнения голоса корреспондентов, расположенных в нашу пользу»²⁰. Однако всем военкорам, русским и иностранным, под *честное слово*, т.е. без всякой подписки (Вот посмеялась бы, узнай это, наша нынешняя «пишущая братва»!), были поставлены следующие обязательные условия: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно их предстоящих действий; б) доставлять на просмотр ответственному лицу все номера уже вышедших газет со своими коррес-

понденциями; в) о перемене своего местопребывания сообщать в штаб армии; г) иметь отличительный знак военкора. Вот и всё, что требовалось соблюдать «под угрозой высылки из армии» корреспонденту той военной поры.

Конечно, признаётся Апушкин, попытки ограничить гласность на войне были, но они исходили, как правило, от «вольно-практикующих цензоров», в то время как высшее начальство было свободно от предрассудков против печати. «Все корреспонденты единодушно отмечают прекрасное товарищеское отношение к ним офицеров и солдат. Правда, одновременно с допущением корреспондентов в армию на изложенных выше условиях, внушено было всем начальникам частей, до ротных командиров включительно, чтобы они не особенно разговаривали с корреспондентами. Вследствие этого некоторое время положение корреспондентов, по выражению Немировича-Данченко (военный корреспондент от «Нового времени» — М.С.), было очень *комичное...*»²¹ — читаем мы у Апушкина.

Но главное внимание в данной работе Апушкин уделяет, конечно, не бытописанию фронтового житья первых русских военкоров и даже не их неоспоримым заслугам перед отечеством и армией, а тому, что можно назвать нравственной метафизикой войны, т.е. проблемам её осмысления и оценки, участвующим в ней человеком. И здесь Апушкин отмечает особые заслуги реалистической литературы XIX в., «а в ней едва ли не на первом месте — русской», в изменении художественно-эстетического и нравственного взгляда на войну, представлении её человеку массовому, обывателю не в виде театрально-героического действия, а во всём её сложном и противоречивом многообразии, с её обыденными и даже тёмными сторонами. Именно она, русская литература, в лучших своих образцах всегда боролась с понятием «пушечное мясо», применяемым некоторыми морализирующими «миролюбцами» в отношении воюющей армии. «Его (понятия «пушечное мясо» — М.С.) цинизм, его жестокая неправда разоблачена не военною литературою, а именно общею, — замечает в своей работе Апушкин. — И она, эта неправда, разоблачалась сама собою как только внимание писателей, посвятивших своё перо изображению явлений войны, оторвалось от центральной фигуры полководца и задержалось на солдате. В тех и других она увидела и видит прежде всего *человека*»²⁵.

Человеческое в человеке на войне для Апушкина выражается прежде всего в презрении к физической боли, к своим ранам и возможной гибели, к своей смерти, и как в вершине человеческого по-

ведения на войне – в подвиге самопожертвования. Итожа многочисленных боевых эпизоды из заметок и особенно мемуаров русских военных корреспондентов, вышедших после войны 1877-78 гг., Апушкин делает значимый нравственно-философский вывод: только выработав в себе презрение к смерти, человек на войне «чувствовал своё особое достоинство, сознавал своё право требовать к себе уважения»²². «Тут (на войне – М.С.) каждый день и каждый час соблюдалась заповедь Христова «класть живот свой за други своя». Делалось это просто, без громких фраз, красивых поз, как нечто самое обыденное, как самая простая, привычная услуга. В мирное время цена ей «спасибо», а здесь, на войне, – человеческая жизнь»²³.

Возвышенные цели той войны – освобождение братьев-славян от турецкого ига, война за веру, священность войны – превращали фронтовые страдания в глазах большинства русской армии в испытательную жертву. «Не пострадать за религию, не пролить за неё свою кровь – вот что иным казалось страшным. Так смотрели на раны и так пострадать хотели не только «серые солдаты» с нетронутым мирозерцанием деревни, но и солдаты из интеллигенции»²⁴. «И такое возвышенное понимание и исполнение ею (русской интеллигентской молодёжью – М.С.) воинского долга было тем тяжелее и тем выше, что война сама по себе была всё же ей противна...»²⁵. «Нам думается, что чем выше степень познания человеком себя и мира, тем в более строгие рамки заключена его духовная свобода... – тем меньше у него «жалкой физической свободы»; она ведь проявление плоти, последняя же тем сильнее подчиняется духу, чем выше развиты его запросы в человеческой личности»²⁶.

Характерным показателем осознания на войне своего человеческого достоинства простым солдатом, крестьянином ещё недавней крепостной поры, был, по мнению Апушкина, наблюдавшийся не раз военными корреспондентами добровольный отказ русских воинов от полагавшейся порции спиртного: «Нам пить нельзя!» – огорошил раз Немировича-Данченко унтер-офицер Житомирского полка. – «На нас теперь вся Россия смотрит...» – «Как бы за что другое воевали, а то брат, за религию воюем...» – толковал у костра на Балканах один солдат другому».

В контексте апушкинского анализа проблемы человека на войне особое место, а для нас и особый интерес, представляют страницы посвящённые рассмотрению отношения к войне, её оценки и изменения этой оценки человеком военным, профессионалом. Эту задачу Апушкин решает на примере одного из литературных геро-

ев военного писателя И.Щеглова (И.Л.Леонтьева) – подпоручика Кунаева. «Душевная драма гаршинского «труса» [который шёл на войну для того, чтобы «взять свою часть в *общем* горе, в *общем* страдании», и потому был заранее запрограммирован на стоическое перенесение тягот и лишений войны] была чужда щегловскому герою [который шёл на неё «взять *свою* долю славы» и когда последняя ускользала от него, быстро падал духом и физически страдал от всего], – пишет Апушкин, – война не казалась ему явлением, противным божеским и человеческим законам, не возмущала его совести, не отталкивала, а притягивала, да он и не вникал в её кровавый смысл... Подготавливаемый к войне рядом лет, проведённых в корпусе, в военном училище и на службе, он сжился с мыслью о ней и она казалась ему столь же закономерным явлением, как то, что он существует, учится и служит. Война была прямою целью, самым смыслом его существования, так как он считал всегда свой мундир эмблемою войны, а не парадов и попоек...»²⁷ Но военная действительность оказалась не такой привлекательной, как подпоручик её представлял. «Прежде всего эта действительность напомнила Кунаеву и его «лейб-шампанской кампании» (молодым офицерам, с которыми он встретился по пути на Кавказ и проводил время в весёлых попойках. – М.С.), что война выливается не в один только акт боя, а слагается из целого ряда некартинных, монотонных, но в экономии войны очень важных действий и обязанностей»²⁸.

Из этого факта Апушкин делает общие выводы важные для военной педагогики, для подготовки молодых офицеров и сегодня. «...Надо ли указывать на то, что иллюзии войны должны быть своевременно рассеиваемы, и она должна рисоваться воображению молодых людей, готовящихся стать военными, не только в ореоле «бранной славы», но и в терновом венце страданий и терпения в выполнении сурового будничного долга»²⁹. «Не нужно, конечно, запугивать детей и юношей, готовящихся быть офицерами, «ужасами войны», но замалчивать их, но не говорить о том, как отражается она на экономических силах страны, об её роли в истории культуры человечества, об «изнанке лавров», о всех тех условиях, в которые может стать военнослужащий на войне, это по меньшей мере непедagogично, ибо неизбежное знакомство со всеми отрицательными сторонами её и вызываемое им разочарование, признание себя здесь «лишним», наступает слишком поздно, тогда, когда более всего нужна физическая и духовная крепость. И ту и другую можно и должно воспитывать при полной осведомлённости о смысле, значении и обстановке войны»³⁰.

В то время сущность войны представляется Апушкину нераскрывающейся до конца бездной, перед которой человеческий разум так же теряется, как и перед бесконечностью и бессознательным. «Он (разум – М.С.) ищет им хотя бы частичных, приблизительных определений – и ту таинственную силу, которая сковывает уста капрала от готового сорваться с них отказа воевать, которая ставит гуманиста под знамёна и делает его участником кровавой бойни, человечество также пытается выразить понятиями *патриотизма, долга, чести, славы*... Но все эти великие слова лишь тень этой огромной неведомой нам силы. Относя многое в действиях воина на долю перечисленных выше стимулов, мы всё-таки получаем в остатке нечто, чему трудно подыскать мотивы и определение»³¹.

В этом Апушкин видит парадоксальную противоречивость нравственного смысла войны: она – зло, она – жестокость, но в то же время она и «*общее горе, общее страдание, а стало быть и общее дело*», уклоняться от которого, пользуясь только плодами его, добытыми чужими руками, – постыдно. Поэтому для Апушкина пой поры война – это и «великая школа общественного долга», в которой «человечество учится не только истреблять друг друга, но и умирать друг за друга и во имя великих идей, в защиту общественных благ и интересов жертвовать собою», «война учит людей альтруизму, учит их не прилепляться к земному, отдавать предпочтение духу над материей», в то время как «непрерывная экономическая борьба, всё более и более обостряющаяся и ширящаяся под крик современных лже-гуманистов – «*долой оружие! долой войну!*» – воспитывает человечество только в эгоизме, угашает его дух, принижает его идеалы... Эта борьба не знает актов милосердия, порывов самопожертвования»³². Для Апушкина понятия родины, веры, гражданского долга являются великими нравственными стимулами прогресса, отказаться от которых даже во имя искоренения войн в будущей истории человечества не возможно. «Расширяйте же географическую сферу их влияния, но не уничтожайте их, – призывает он, – и тогда, когда на земле действительно будет «*едино стадо и один пастырь*» – война исчезнет... Исчезнет ли борьба за существование – это уже другой вопрос, задумываться над которым здесь не место»³³.

Если попытаться одной фразой охарактеризовать нравственное мировоззрение Апушкина, следует сказать: он был гуманистом в строгом и высшем значении этого слова! Гуманизм мировоззрения Апушкина проявляется, в частности, и в его понимании нравственного смысла и сути военного дела как формы человеческой культу-

ры. Вот его рассуждения о данном предмете: «Война есть один из социальных недугов человечества, разделённого на классы. Армии призваны не культивировать этот недуг, разнося его «по белу свету» и «подливая масла в огонь», а возможно скорее его локализовать. Военное искусство, как и врачебное, должно изыскивать средства и способы к этой локализации с наименьшими затратами времени, народных средств и человеческих жизней. Военные деятели – представители этого искусства, а не профессионалы, которым война выгодна, которые живут за счёт войны, как это было некогда. Их долг и честь, – как долг и честь врача, – бороться с недугом, а не поддерживать и не затягивать его»³⁴.

Неискущённому в проблемах военной политики и стратегии читателю необходимо, видимо, пояснить, что приведённое выше есть ни что иное как изложение наисовременнейшей концепции «предотвращения и прекращения войн», которую лишь с рубежа 80-90-х гг. нашего XX в. «железного» и ядерного века зарубежная и отечественная военная мысль с превеликим трудом и скрипом начала осваивать и воплощать в конкретных военно-доктринальных установках. А вот «старорежимный генерал и военспец» Апушкин ещё в 1920 г. прописал её в одной из своих небольших полемических статей со странным названием «Дон-Кихоты военного дела»!

Несомненно, что именно это убеждение в праведности дела, которому Апушкин по донкихотски безоглядно посвятил свою жизнь, давало ему право и силы всегда и всюду резкой отповедью отвечать «на современную (в далёком 1903-м было дело! – М.С.) проповедь о безнравственности военной службы». А в последние годы своей активной научно-публицистической деятельности и жизни беззаветно отстаивать идею милиционной армии как формы всенародного участия в деле защиты отечества.

Примечания

¹ См.: Военная энциклопедия. – М., 1911. – Т. I. – С. VI.

² См.: Апушкин В.А. О военно – политической доктрине. // Новое звено. – 1913. – № 1. – С. 14.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Там же. – С. 14.

⁵ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. – 1903. – № 1. – С. 177.

⁶ Апушкин Вл. Милиционная Армия и новые задачи народного образования. // Вестник милиционной армии. – 1920. – № 5. – С. 25.

⁷ См.: Новое звено. - 1913. - № 1. - С. 3.

⁸ Там же.

⁹ См.: Апушкин Вл. Суворов в русской литературе. // Военный сборник. - 1900. - № 5. - С. 203.

¹⁰ См.: Апушкин Вл. В.В.Крестовский как военный писатель. // Военный сборник. - 1900. - № 8. - Сс. 437-439

¹¹ См.: Апушкин Вл. В.В.Крестовский как военный писатель. // Военный сборник. - 1901. - № 1. - С. 228.

¹² Там же. - С. 231.

¹³ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 1. - С. 177.

¹⁴ Апушкин Вл. Война 1877-78 годов в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1902. - № 12. - С. 196.

¹⁵ Там же. - С. 184.

¹⁶ Там же. - С. 188.

¹⁷ Там же. - С. 177.

¹⁸ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1902. - № 7. - С. 198.

¹⁹ Там же. - 1902. - № 11. - С. 218.

²⁰ Цит. по: Военный сборник. - 1902. - № 7. - С. 200.

²¹ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1902. - № 7. - С. 209.

²² Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 1. - Сс. 176-177.

²³ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1902. - № 12. - С. 181.

²⁴ Там же. - С. 189.

²⁵ Там же. - С. 182.

²⁶ Там же. - С. 183.

²⁷ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 1. - Сс. 183-184.

²⁸ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 2. - Сс. 186-187.

²⁹ Там же. - С. 188.

³⁰ Там же. - С. 189.

³¹ Там же. - Сс. 202-203.

³² Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 1. - С. 188.

³³ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1902. - № 12. - С. 196.

³⁴ Апушкин Вл. Война 1877-78 гг. в корреспонденции и романе. // Военный сборник. - 1903. - № 1. - С. 190.

³⁵ Апушкин Вл. Дон-Кихоты военного дела. // Вестник милиционной армии. - 1920. - № 5. - С. 33.